

УДК 32

Региональное взаимодействие Ирана и Азербайджана в странах Средней Азии

Рустамов Игбал Ильгар-оглы

Собственный корреспондент,
Информационное агентство «SalamNews»,
AZ1009, Республика Азербайджан, Баку, ул. Ахмедбекова Зивербека, 2/29;
e-mail: rustamov_i@mail.ru

Аннотация

Необычное слияние ключевых событий помогло сформировать основу для развития ирано-центральноазиатских отношений. Окончание ирано-иракской войны, гибель Хомейни и приход к власти Али Акбара Хашеми-Рафсанджани и более сильное президентство сыграли большую роль в становлении более прагматичной внешней политики для Исламской Республики. Это изменение означало создание прагматических целей и собственных национальных интересов Ирана над идеалистическими темами, такими как экспорт исламской революции. Имплозия Советского Союза в 1991 году стала шоком для правящих элит Центральной Азии, а также открыла новые возможности для иранского руководства, которое стремилось продемонстрировать свои полномочия в качестве надежного партнера для новых независимых государств. Президентство Рафсанджани проявило большую приверженность регионализму со стороны Ирана, отражая глобальные тенденции после «холодной войны», и Иран стремился наладить связи со Средней Азией через расширенную Организацию экономического сотрудничества (ОЭС). До недавнего времени акцент Ирана на построении этих отношений имел два важных аспекта: одна из них заключалась в возможности уменьшить свою международную изоляцию и наладить отношения со своими новыми соседями в качестве средства сокращения бремени американской политики сдерживания; другой поддерживал хорошие отношения с ключевым поставщиком оружия в России и не проводил политику в Центральной Азии, которая бы противодействовала ей. Они остаются ключевыми факторами в ландшафте после санкций, и если помощь в отношении санкций будет идти на надежду, учитывая, что она затронула некоторые препятствия в процессе осуществления, то она станет важной областью расширения сотрудничества в различных областях.

Для цитирования в научных исследованиях

Рустамов И.И. Региональное взаимодействие Ирана и Азербайджана в странах Средней Азии // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 113-119.

Ключевые слова

Иран, внешняя политика, приоритеты, Средняя Азия, развитие.

Введение

В 1990-х и начале 2000-х годов также наблюдались иранские внешнеполитические исследования, отражающие новые реалии международной ситуации в Иране после распада Советского Союза [Филипцов, 2017, 190]. Это было подтверждено в Иране, при этом министерство иностранных дел учредило Центр по изучению Центральной Азии и на Кавказе в 1992 году и публикации англоязычных книг «Моталеат азия-да маркази ва-кавказ» (Центральная Азия и Кавказский обзор). Впоследствии отношения Ирана с новыми независимыми государствами Центральной Азии и Кавказа, а также попытки «вновь подключиться» к региону, который является ключом к своей собственной истории, стали важной областью анализа, как показывают работы Эхтешами, Герцига и др. Хотя акценты таких работ различаются – с упором на безопасность, на экономические связи и более широкие региональные инициативы, общая особенность, которую они все разделяют, это акцент на Центральной Азии, предоставляющей значительные возможности для Ирана, реальные или пока нереализованные. Еще одна общая и повторяющаяся тема заключается в том, что попытки Ирана расширить влияние в регионе всегда были в тупике со стороны Соединенных Штатов и последовательных режимов санкций во главе с этой страной. По-видимому, сейчас это меняется, поэтому идеи и инициативы, которые раньше казались умирающими, теперь имеют большой потенциал.

Основная часть

В частности, работы, исходящие из Ирана, имеют ярко выраженный региональный тенор, подчеркивающий геополитическое положение Ирана по отношению к Центральной Азии, его позицию по более широким отношениям с другими державами, такими как Россия и Соединенные Штаты, и потенциал региональных инициатив, таких как и ОЭС, которую Иран особенно хотел использовать в качестве средства для своих интересов в Центральной Азии. Как уже отмечалось, Иран имеет давнюю историческую связь с регионом, поскольку на различных этапах своей истории осуществлялся номинальный контроль над крупными частями Кавказа и Центральной Азии вплоть до расширения царской России. Это то, что отражено в иранском письме в регионе, с акцентом на их географическую и, в некоторых случаях, на культурную близость. Хотя нет места для обсуждения этой длинной истории здесь, это культурная, а в некоторых случаях, лингвистические общности, которые являются общей чертой иранских рассказов о построении отношений с регионом. Эта культурная и лингвистическая общность используется как своего рода вектор для развития отношений, а затем основывается на этом через инвестиции, что особенно очевидно при рассмотрении отношений Ирана с другими персидскоязычными народами Таджикистана и Афганистана [Мехдиев, 2017, 14].

Акцент на геополитические и в некотором смысле «геокультурные» подходы к Центральной Азии изнутри иранских академических кругов и политиков, безусловно, понятен при контекстуализации его подхода. В конце концов, геополитика обеспечивает нечто нейтральное, объективное и идеологически свободное средство для использования экспертами внешней политики, которое помогает объяснить, почему это полезно для внешней политики Ирана в регионе. Понятие Ирана, выступающего в качестве моста или шлюза в Центральную Азию, также является ключевым в геополитическом мышлении Ирана. Однако, несмотря на преимущества географической и, в некоторых случаях, культурной близости, Иран все еще

должен полностью проявлять себя как региональная держава в Евразии так же, как это было на Ближнем Востоке. В ландшафте после санкций, в котором международное сообщество находится в предварительном порядке, давнее утверждение Ирана о его географическом положении, наконец, может стать реальностью. Некоторые утверждают, что Иран будет проводить «агрессивную» внешнюю политику в регионе из-за своих предполагаемых действий на Ближнем Востоке, но такой скептицизм неуместен и игнорирует прагматическую тенденцию иранской внешней политики в отношении региона за последние 25 лет. Теперь он в состоянии воспользоваться преимуществами его постепенной реинтеграции в мировую экономику в ландшафте после JCPOA. Однако такая реинтеграция проходит не без проблем. Вопрос, вызывающий озабоченность многих в Исламской Республике, стремящихся содействовать увеличению прямых иностранных инвестиций в Иран, а также Иран в других местах, это постоянное восприятие карательных мер Соединенных Штатов в отношении банков, ведущих бизнес с Ираном. После того как угроза будет снята, потенциал для дальнейшей интеграции в глобальную экономику сделает Иран более привлекательным партнером для государств Центральной Азии. Потенциал Ирана в плане более активного взаимодействия с регионом также частично был обусловлен сокращением присутствия США там. Хотя «Талибан» по-прежнему представляет угрозу безопасности для более широкого региона, сокращение США от присутствия в Афганистане, а вместе с ним и военная материально-техническая поддержка, используемая Соединенными Штатами в Центральной Азии, хорошо соответствует целям Ирана в регионе. Иран также приближается с точки зрения своего военного союза с Россией. В сочетании с все более агрессивной российской политикой в отношении государств в ее так называемом «ближнем зарубежье»; это означает, что Иран, как всегда, не забывает о позиции России в Центральной Азии. Кроме того, повторное появление Шелкового пути как жизнеспособного торгового маршрута, возглавляемого ключевым иранским союзником в Китае, будет способствовать постепенной реинтеграции Ирана в мировую экономику после ядерной сделки. Это ключевая особенность иранского стратегического мышления, с Центральной Азией, и позиция Ирана по отношению к этим государствам, составляющим ключевую часть его более широкого геополитического воображения.

Иран имеет многочисленные интересы в Центральной Азии, которые формируют свою внешнюю политику в отношении региона, от экономической интеграции до сотрудничества в таких разнообразных областях, как безопасность и культура. Таким образом, основная часть этой статьи посвящена изложению ключевых вопросов, которые Иран считает важными в регионе, начиная с его попыток содействовать дальнейшей экономической интеграции [Холмуродова, 2017, 72].

После распада Советского Союза Иран уделял большое внимание развитию более активного экономического сотрудничества между Ираном и Центральной Азией в рамках расширенного ОЭС, а также в двусторонних соглашениях с государствами Центральной Азии. Движение к более широкому региональному сотрудничеству и, действительно, регионализму, впервые стало занимать видное место в иранской внешней политике в 1990-х годах во время президентства Рафсанджани. Иран видел развитие отношений и регионального сотрудничества с Центральной Азией как средство сокращения своей международной изоляции перед лицом продолжающейся американской враждебности. Это также имеет важные следствия для внутренних экономических потребностей Ирана, при этом карательные экономические санкции ставят под сомнение развитие. Новые независимые государства предложили потенциальных новых торговых партнеров и предоставили Ирану больше возможностей для взаимодействия с

событиями в ресурсном секторе [Санаи, 2004, 38]. Лидеры Исламской Республики также отметили, что более активное сотрудничество является жизненно важным для региональной стабильности и безопасности. Ключевым моментом, который часто возникает при обсуждении отношений Ирана с Центральной Азией, является его геостратегическое положение, и лидеры Ирана стремятся воспользоваться этим воспринимаемым преимуществом. Таким образом, Иран часто описывается как «мост» или «шлюз» для стран Центральной Азии, не имеющих выхода к морю, к Мировому океану. Это особенно важно для богатых ресурсами государств, таких как Казахстан и Туркменистан, поскольку Иран предоставляет самые короткие маршруты для их углеводородов для выхода на мировой рынок. Однако использование Ирана в качестве страны транзита для таких ресурсов и трубопроводов было затруднено продолжающимся участием Америки в Каспийском регионе [Малышева, 2017, 52].

Основным наследием советской власти в Центральной Азии было то, что вся ее промышленная, транспортная и коммуникационная инфраструктуры были ориентированы на Россию и обслуживали Советский Союз [Лотфи, 2011, 118]. Отсутствие транспортных и коммуникационных связей на юге исторически было одним из основных препятствий для дальнейшего экономического сотрудничества и интеграции с Ираном. Одним из ключевых моментов в улучшении этой ситуации было завершение строительства железной дороги Теджен (Туркменистан) в Мешхед (Иран) в 1996 году. Это связало Центральную Азию с железнодорожной сетью Ирана и предоставило Центральной Азии доступ в Персидский залив. Это также имело большое значение для Ирана в получении дальнейшего доступа к Центральной Азии. Развитие железнодорожного сообщения также свидетельствовало о развитии хороших отношений между Ираном и Туркменистаном в 1990-х годах и в новом тысячелетии. В соответствии с более оптимистичной атмосферой, связанной с общими связями с Исламской Республикой, в 2016 году возродилась транспортная схема, которая ранее простаивала в течение 5 лет, что предполагает расширенный транспортный коридор Север-Юг, связывающий Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Иран и Оман [Фархади, 2015, 59].

Хотя в этой статье основное внимание уделяется отношениям между Ираном и государствами Центральной Азии, важно также кратко отметить роль Китая. Китай является одним из крупнейших торговых партнеров Ирана и обеспечил жизненно важные экономические связи в течение последовательных режимов санкций против Исламской Республики. Китай видит ценность Ирана как ключевого узла в своей инициативе One Belt, One Road, которая стремится развивать современное воплощение Шелкового пути. Китай также имеет опыт инвестирования в Иран, особенно в транспортную инфраструктуру, и проекты развития углеводородов, хотя следует отметить, что последний имел смешанный успех до недавнего снятия санкций. Развитие Китаем своего нового проекта «Шелковый путь» важно не только для Ирана, но и для стран Центральной Азии, поскольку оно дает дополнительный импульс для этих стран по диверсификации их торговых и экспортных маршрутов. Иран является не только полезным каналом для них, но и частью более широкой китайской стратегии, которая объединяет Иран и Центральную Азию. Таким образом, это потенциально беспроигрышный сценарий для всех участников с точки зрения транзитных сборов и дальнейшей диверсификации экспортных маршрутов и партнеров. Естественно, что окончание режима санкций также оказывает положительное влияние на освобождение иранского торгового маршрута, не подвергая риску карательные экономические санкции США [Джафар, 2013, 150].

Однако есть вероятность того, что дальнейшая реинтеграция Ирана в мировую экономику может оказать обратное влияние на ирано-китайские отношения. Хотя Китай является

крупнейшим рынком сбыта иранского экспорта и вторым по величине импортером в Иран, Исламская Республика перешла к ухаживанию за крупнейшими европейскими компаниями и правительствами за инвестиции со времени JCPOA. Этот поворот в сторону Европы свидетельствует о расширении возможностей для Ирана, поскольку он больше не должен полагаться на торговлю с Китаем. Естественно, что Иран выиграет от диверсификации торговых возможностей, и мнение Тегерана заключается в том, что это может дополнить существующие отношения с Китаем, выступая в качестве центра на ключевом наземном маршруте в Европу. С этой целью широкомасштабное присутствие Китая на центральноазиатских энергетических рынках является скорее возможностью для Ирана, чем источником конкуренции для китайской щедрости. Более того, Иран использует ландшафт пост-JCPOA, чтобы заключать важные сделки с Индией в области транспорта и энергетического сотрудничества. Следовательно, Иран может использовать свое давнее желание выступать в качестве канала для среднеазиатских стран (и даже собственных) ресурсов на мировой рынок. Существует также вероятность того, что иранский маршрут приведет к новой конкуренции с другими инициативами под руководством Китая, такими как Китайско-пакистанский экономический коридор, хотя утверждается, что они являются более бесплатными с точки зрения формирования более широкой сети, связанной с проектом «Один пояс, одна дорога».

В конечном счете, прагматизм сохраняется в политике Ирана в Центральной Азии и Китае. Можно видеть, что Иран стремился действовать в своих национальных интересах, ставя экономические цели в авангарде своей внешней политики в регионе. Как отметил Лотфиан, «иранцы не с энтузиазмом относятся к риску национальных интересов ради этнической (или) идеологической борьбы в Центральной Азии». Это справедливо и для его отношений с Китаем, в соответствии с которыми Иран был исторически спокойным по тому, как Пекин имел дело со своим мусульманским уйгурским населением. Это не удивительно, когда мы рассматриваем аналогичные приглушенные позиции по Кашмиру, Чечне и близким отношениям Ирана с Арменией по отношению к шиитскому Азербайджану. Кроме того, тот факт, что центральноазиатские государства продолжают искать способы продемонстрировать свою независимость, – это преимущество Ирана, поскольку оно может выступать в качестве выхода на международные рынки, предоставлять экспертные знания в определенных областях, таких как промышленность углеводородов, а также предлагать инвестиции в промышленных и инфраструктурных проектах. Естественно, есть и другие последствия, которые связаны с большим участием Ирана в Центральной Азии, а безопасность – это одна из таких областей, о которой будет сказано ниже.

Заключение

Однако теперь у Ирана есть возможность, наконец, более реалистично реализовать эти мечты о более активном участии. Можно ожидать большего движения в плане более тесной интеграции Ирана с регионом после JCPOA и последующего снятия режима санкций. Поскольку Иран занимает то, что он всегда считал своим законным местом в ключевых международных и региональных организациях, выгоды от его реинтеграции, вероятно, будут стимулировать дальнейшее участие. Это совпало с усилением региональной активности ключевого союзника в Китае, который рассматривает Иран как важный элемент своей более широкой стратегии в Центральной Азии и за ее пределами. Иран не сможет возглавить, но можно предположить, что он с радостью займет свое место за столом – то, что теперь выглядит более уверенным, чем это произошло за многие годы.

Библиография

1. Джаъфар Ф.Н. Противостояние и конкуренция Ирана и других государств региона в Центральной Азии // Вестник Таджикского национального университета. 2013. № 3-3. С. 146-151.
2. Лотфи З.А.Т. Развитие внешней политики Ирана и ее влияние на политические процессы в Центральной Азии: дис. ... канд. полит. наук. Душанбе, 2011. 147 с.
3. Мальшева Д.Б. Международно-политическое взаимодействие государств Центральной Азии с Турцией и Ираном // Россия и новые государства Евразии. 2017. № 3 (36). С. 46-58.
4. Мехдиев Э.Т. Состояние и перспективы отношений Ирана со странами Центральной Азии и Закавказья // Международные отношения. 2017. № 4. С. 1-15.
5. Санаи М. Интересы Ирана в Центральной Азии в свете концепции устойчивого развития // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2004. № 1. С. 36-41.
6. Фархади М.К. Вопросы формирования системы безопасности в Центральной Азии в контексте национальных интересов исламской республики Иран: дис. ... канд. полит. наук. Душанбе, 2015. 154 с.
7. Филиппов К.А. Центральная Азия как одно из направлений внешней политики Ирана // XI Машеровские чтения материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Витебск, 2017. С. 188-190.
8. Холмуродова З. Политические и социокультурные предпосылки взаимоотношений Ирана и Центральной Азии // Известия Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан. 2017. № 3-1. С. 66-73.

Regional interaction of Iran and Azerbaijan in the countries of Central Asia

Iqbal I. Rustamov

Own correspondent,
News Agency "SalamNews",
AZ1009, 2/29, Ziverbeka st., Baku, Republic of Azerbaijan;
e-mail: rustamov_i@mail.ru

Abstract

The unusual merger of key events helped form the basis for the development of Iran-Central Asian relations. The end of the Iran-Iraq war, the death of Khomeini and the coming to power of Ali Akbar Hashemi-Rafsanjani and a stronger presidency played a big role in the development of a more pragmatic foreign policy for the Islamic Republic. This change meant creating pragmatic goals and Iran's own national interests over idealistic themes, such as exporting the Islamic revolution. The implosion of the Soviet Union in 1991 came as a shock to the ruling elites of Central Asia, and also opened up new opportunities for the Iranian leadership, which sought to demonstrate its authority as a reliable partner for the new independent states. The Rafsanjani Presidency showed great commitment to regionalism on the part of Iran, reflecting global trends after the Cold War, and Iran sought to build ties with Central Asia through the expanded Economic Cooperation Organization (ECO). Until recently, Iran's focus on building these relations had two important aspects: one of them was the ability to reduce its international isolation and build relations with its new neighbors as a means of reducing the burden of American deterrence policy; the other maintained good relations with a key arms supplier in Russia and did not pursue a policy in Central Asia that would counter it.

Iqbal I. Rustamov

For citation

Rustamov I.I. (2018) Regional'noe vzaimodeistvie Irana i Azerbaidzhana v stranakh Srednei Azii [Regional interaction of Iran and Azerbaijan in the countries of Central Asia]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 113-119.

Keywords

Iran, foreign policy, priorities, Central Asia, development.

References

1. Dzha'far F.N. (2013) Protivostoyanie i konkurentsia Irana i drugikh gosudarstv regiona v Tsentral'noi Azii [Confrontation and competition of Iran and other countries of the region in Central Asia]. *Vestnik Tadzhijskogo natsional'nogo universiteta* [Bulletin of the Tajik National University], 3-3, pp. 146-151.
2. Farkhadi M.K. (2015) *Voprosy formirovaniya sistemy bezopasnosti v Tsentral'noi Azii v kontekste natsional'nykh interesov islamskoi respubliki Iran. Doct. Dis.* [Issues of forming a security system in Central Asia in the context of the national interests of the Islamic Republic of Iran. Doct. Dis.]. Dushanbe.
3. Filiptsov K.A. (2017) Tsentral'naya Aziya kak odno iz napravlenii vneshnei politiki Irana [Central Asia as one of the directions of Iranian foreign policy]. In: *XI Masherovskie chteniya materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchennykh* [XI Masherov readings: Materials of the international scientific-practical conference of students, graduate students and young scientists]. Vitebsk.
4. Kholmurodova Z. (2017) Politicheskie i sotsiokul'turnye predposylki vzaimootnoshenii Irana i Tsentral'noi Azii [Political and sociocultural prerequisites for relations between Iran and Central Asia]. *Izvestiya Instituta filosofii, politologii i prava Akademii nauk Respubliki Tadjikistan* [News of the Institute of Philosophy, Political Science and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan], 3-3, pp. 66-73.
5. Lotfi Z.A.T. (2011) *Razvitie vneshnei politiki Irana i ee vliyanie na politicheskie protsessy v Tsentral'noi Azii. Doct. Dis.* [Development of Iranian foreign policy and its influence on political processes in Central Asia. Doct. Dis.]. Dushanbe.
6. Malysheva D.B. (2017) Mezhdunarodno-politicheskoe vzaimodeistvie gosudarstv Tsentral'noi Azii s Turtsiei i Iranom [International-political interaction of Central Asian states with Turkey and Iran]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii* [Russia and the new states of Eurasia], 3 (36), pp. 46-58.
7. Mekhdiev E.T. (2017) Sostoyanie i perspektivy otnoshenii Irana so stranami Tsentral'noi Azii i Zakavkaz'ya [The state and prospects of relations of Iran with the countries of Central Asia and Transcaucasia]. *Mezhdunarodnye otnosheniya* [International relations], 4, pp. 1-15.
8. Sanai M. (2004) Interesy Irana v Tsentral'noi Azii v svete kontseptsii ustoichivogo razvitiya [Interests of Iran in Central Asia in the light of the concept of sustainable development]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian region: politics, economy, culture], 1, pp. 36-41.